

А. А. Шунейко

Комсомольск-на-Амуре, Россия

ЛИТЕРАТУРНАЯ НОРМА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЕГО НОСИТЕЛИ: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

АННОТАЦИЯ. *Литературная норма – совокупность правил речевого поведения для всех. Тем не менее, противоположные по уровню языковой компетентности группы демонстрируют одинаковое отторжение нормы. Следовательно, для коммуникативного пространства более значимой является категория коммуникативной свободы.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *литературная норма, языковой коллектив, коммуникативная свобода.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Шунейко Александр Альфредович, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета.*

Адрес: 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27, КНАГТУ, корпус 4, ауд. 335.

E-mail: a-shuneiko@yandex.ru

A. A. Shuneiko

Komsomolsk-on-Amur, Russia

LITERARY NORM OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND ITS SPEAKERS: CROSSING POINTS

ABSTRACT. *A literary norm is a set of the rules of verbal behavior. Nevertheless the groups of speakers, who are opposite from the standpoint of their language competence level, show the same rejection of the norm. So it is the category of communicative freedom which is important for a communicative space.*

KEY WORDS: *literary norm, language community, communicative freedom.*

ABOUT THE AUTHOR: *Shuneyko Alexander Alfredovich, Dr. of Philology, Professor of Linguistics and Intercultural Communication Department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, Russia.*

Каждая социальная группа (любой степени сложности и объема) функционирует (создает себя, осуществляет, транслирует и разрушает) в процессах непрерывной коммуникации различных типов. Вне определенной степени взаимного понимания между компонентами группы она существовать не может: не складывается или распадается. Минимальная необходимая степень этого понимания определяется тем, что представители центристских тенденций внутри группы понимаемы большинством членов группы. Т.е. те, кто заинтересованы в существовании группы могут свободно, без препятствий и, в идеале, эффективно транслировать свою волю в вербальных формах и их желания адекватно воспринимаются большинством остальных.

Качество (эффективность) коммуникации – важнейший фактор, определяющий степень стабильности и мобильности группы. Понимание между компонентами – необходимая основа совместных действий. Поэтому членов всякой группы проблемы коммуникации, так или иначе, волнуют всегда.

Первостепенная значимость коммуникации для организации группы прямо или опосредованно осознается всеми ее компонентами. Заинтересованность в вопросах коммуникации проявляется на всех уровнях иерархической организации группы. Примерами проявления заинтересованности могут в равной мере служить и языковая политика целого государства, и домашнее, гендерное, групповое воспитание, и связанные с языком досуговые формы взаимодействия, и многое другое.

Именно поэтому проблемы коммуникации членами группы подвергаются перманентной явной и скрытой рефлексии. В понимании Б. С. Шварцкопфа [Шварцкопф 1970, 1976], рефлексия имеет широкий диапазон проявлений: от повседневных индивидуальных и групповых оценок речи до широкомасштабных споров, вовлекающих массы. Рефлексия осуществляется постоянно и периодически трансформируется в обсуждения. Например, спор между архаистами и новаторами в XIX веке, споры об орфографии в XX веке. Сложный комплекс вопросов, связанных с различными спорами и предпочтениями, применительно к русскому языку рас-

сма­три­ва­ет­ся в ра­бо­тах, В. М. Жи­во­ва [Жи­вов 2000], В. Г. Ко­сто­ма­ро­ва [Ко­сто­ма­ров 1999], А. М. Се­ли­ще­ва [Се­ли­щев 2003], И. Б. Се­ре­бря­ной [Се­ре­бря­ная 2012, 2013] и дру­гих ав­то­ров.

На по­верх­но­ст­ном и прак­ти­че­ски ося­за­е­мом ур­ов­не та­кие об­суж­де­ния на­и­бо­лее ча­сто (поч­ти все­гда) ка­са­ют­ся во­про­сов пра­виль­но­сти ре­чи. Пра­виль­ность оп­ре­де­ля­ет­ся че­рез от­но­ше­ние к нор­ме: пра­виль­но то, что со­от­вет­ст­вует нор­ме в ее по­ни­ма­нии оце­ни­ва­ю­щим, не­пра­виль­но то, что от­кло­ня­ет­ся от нее. Нор­ма – это эталон ре­че­во­го по­ве­де­ния, обя­за­тель­ный для тран­сли­ро­ва­ния об­ра­зец, так или ина­че за­кре­плен­ный на оп­ре­де­лен­ном син­хрон­ном сре­зе. Нор­мы бы­ва­ют раз­ны­ми. Су­щес­т­вуют две край­ние то­чки вос­при­я­тий (бы­то­ва­ния) нор­мы: ин­ди­ви­ду­аль­ная нор­ма, в си­лу мно­же­ства при­чин сфор­ми­ро­ван­ная у кон­крет­но­го но­си­те­ля язы­ка, и нор­ма це­ло­го язы­ко­во­го кол­лек­ти­ва – ли­те­ра­тур­ная нор­ма. Да­лее ре­чь идет толь­ко о ли­те­ра­тур­ной нор­ме. Она за­фик­си­ро­вана в нор­ма­тив­ных сло­варях, справоч­ни­ках и грам­ма­ти­ках.

Мож­но дол­го про­дол­жать по­пу­ляр­ные в язы­ко­зна­нии дис­кус­сии о том, как из глу­бин на­род­ной ре­чи и/или из сок­ро­ви­щ­ни­цы художественной литературы возникает норма, как она заро­жда­ет­ся, ка­кие при­чи­ны оп­ре­де­ляют ее ста­нов­ле­ние и раз­ви­тие, ко­гда она по­яв­ля­ет­ся, как она ак­ку­му­ли­рует в се­бе тра­ди­цию и прочее. Но по фак­ту сво­е­го дей­ст­ви­тель­но­го су­щес­т­во­ва­ния нор­му соз­да­ют не на­род­ные мас­сы, куль­тур­ная па­мять или ми­фиче­ские су­щес­тва, а кон­крет­ные лин­г­ви­сты. Нор­ма – ре­зу­льтат те­о­ре­ти­че­ско­го лин­г­ви­сти­че­ско­го вме­ша­тель­ства в кон­цеп­ции Праж­ско­го лин­г­ви­сти­че­ско­го кру­жка [Сбор­ник ста­тей 1967]. Нор­ма соб­ствен­но нор­мой ста­но­вит­ся толь­ко то­гда, ко­гда она ко­ди­фи­ци­ро­вана или за­фик­си­ро­вана, т.е. то­гда, ко­гда кон­крет­ные лю­ди, вхо­дя­щие в ор­фо­гра­фиче­скую ко­ми­с­сию, со­став ав­то­ров ор­фо­э­пи­че­ских, тол­ко­вых, ор­фо­гра­фиче­ских и проч­их сло­варей и справоч­ни­ков ска­жут (за­фик­си­ру­ют): так мож­но го­во­рить/пи­сать, а так не­льзя. Твор­цов ли­те­ра­тур­ной нор­мы со­вре­мен­но­го рус­ско­го язы­ка мож­но пе­ре­чис­лить по­имен­но. Все соз­да­те­ли нор­мы, по оп­ре­де­ле­нию, при­над­ле­жат к элите. За­по­м­ним этот не­оче­вид­ный для ря­до­во­го но­си­те­ля язы­ка факт.

Вне за­ви­си­мо­сти от фак­та зна­ком­ства с ба­зо­вы­ми нор­ма­тив­ны­ми ис­точ­ни­ками лю­бой но­си­тель язы­ка име­ет пред­став­ле­ние о ли­те­ра­тур­ной нор­ме. Это пред­став­ле­ние мож­ет быть са­мым раз­ным. Край­ни­ми то­чка­ми яв­ля­ют­ся: 1. Пре­дель­но аб­стракт­ное зна­ние, сводимое к неясным (четко неверба­ли­зу­е­мым)

категориям правильно – неправильно, за которыми стоит бытовое представление о традиции – так говорить принято, а так изъясняться нельзя. 2. Предельно конкретное знание, базирующееся на знакомстве с исходными нормативными источниками и их аргументированном, осознанном воспроизводстве в процессе коммуникативного взаимодействия.

Норма как коммуникативная, лингвистическая и социальная категория является центром, стягивающим в себе всё многообразие различных речевых действий, осуществляемых коллективом для обеспечения беспрепятственного обмена информацией и создания единого пространства понимания друг друга.

Вне зависимости от того, присутствует у носителей языка абстрактное или конкретное представление о норме, оно прямо связано с ответом на вопрос: важно ли (нужно ли, целесообразно ли) человеку говорить и писать правильно, в соответствии с нормой? Варианты ответов на этот вопрос отражают характер восприятия нормы коллективом. Они крайне неоднозначны и включают в себя противоречащие друг другу утверждения: норма необходима и обязательна – норма не нужна.

Государственная политика и классическая культурная традиция отвечают на этот вопрос предельно четко и достаточно однозначно: следовать норме важно, нужно, целесообразно, необходимо; знание нормы – один из главных признаков культурного уровня человека. И это представление более или менее последовательно реализуют в государственном обучении норме, осуществляемом в различных образовательных формах.

Позиция государства закономерна (объяснима): ему необходимо быть адекватно понятым в одних ситуациях и правильно не понятым в других. А то и другое в широком масштабе можно осуществить, только если подчиненный государству коллектив владеет единой нормой. И даже современные действия государства (в частности, изменение в сторону уменьшения порогового уровня знаний по ЕГЭ) не противоречат этому. Государство снижает уровень или уменьшает глубину необходимого владения нормой, но сам факт ее первостепенной значимости не отменяет.

Этот прямой однозначный ответ (норме необходимо следовать) не является единственным и сложным образом соотносится с тем, как воспринимаю необходимость соблюдения нормы различные носители языка. С точки зрения владения нормой, восприятия степени ее целесообразности и, главное, ее использования они неоднородны.

Здесь представлен широкий спектр мнений: от трепетного восхищения и последовательной реализации, до терпеливого безразличия и жесткого отторжения по принципу: «Понавыдумывали тут правил всяких, а мы их учи». Есть представители языкового коллектива, которые считают норму излишним, искусственным, инородным по отношению к языку образованием, воспринимают ее как негативный бесполезный фактор.

Весь этот спектр мнений достаточно хорошо виден в материалах обсуждений темы «Ваше отношение к грамотности», которые периодически проводят участники форумов в различных интернет-сообществах. Само спонтанное возникновение этих обсуждений – еще одно проявление постоянного интереса коллективов к вопросам коммуникации и ее качества. А если учитывать, что слово «грамотность» при употреблении вне научной речи практически равно «знанию нормы и владению ею», то разброс мнений идеально иллюстрирует выдвинутое положение.

Примеры негативного восприятия нормы, т.е. полного отрицания ее необходимости: «Не умею я писать и меня это как-то не напрягает»; «ниипет»; «насрать на грамотность». Примеры нейтрального восприятия нормы, т.е. признание ее функциональности в ограниченном наборе ситуаций: «По мне, так пусть человек пишет неграмотно, это его личные проблемы. И запрещать это не в коем случае нельзя»; «Поэтому пусть те кто знает и хочет писать правильно – пишет, те кто не хочет – не пишет. Больше ничего не остается». Примеры позитивного восприятия нормы, т.е. констатации обязательности ее соблюдения: «Структура, грамотность и стиль речи – первый фильтр отбора собеседника...»; «Ввести наказания за злостную безграмотность. Дико раздражает, если честно. Редкие опечатки еще можно простить, но постоянные ошибки или намеренное коверканье речи карать нещадно» [форумы].

Эти и множество подобных им оценок речи, кроме прочего, важны и интересны тем, что они характеризуют восприятие коллективом представляющегося ему действительным общего типа своей координации с нормой. Представители языкового коллектива полагают, что они в силах, в состоянии, вправе решать, как им с нормой взаимодействовать: учитывать ее или нет и когда именно. Т.е. норма для них не обязательное установление, а факультативный или даже избыточный компонент реальности. Таким образом, во взаимодействии трех категорий: язык – норма – они сами, себя они ставят в позицию самого активного начала.

Естественно, с точки зрения реального функционирования коммуникативного пространства такое восприятие следует признать ложным. Но оно интересно именно тем, что, являясь элементом «бытовой филологии», показывает, насколько последняя может расходиться с лингвистической теорией.

Негативно оценивающие норму представители языкового коллектива воспринимают ее как один из способов давления на них, один из факторов ограничения их личной свободы. Находясь на гуманистических позициях естественного права, с этим сложно спорить, поскольку норма действительно ограничивает свободу естественного языкового поведения.

Ответить на вопрос, какая из точек зрения верна, с позиции строгой теории достаточно просто.

Норма как закон едина для всех, следовать ей должен каждый носитель языка, потому что именно норма с ее стабилизирующей (консервирующей) функцией призвана обеспечивать возможность взаимопонимания между членами большого коллектива. Именно норма, как фактор, противодействующий различным центробежным тенденциям разнородных социальных групп, сохраняет их в поле единого языка, обеспечивает единство культурного пространства и, в конечном счете, оберегает язык от распада. В идеале (в теории) языковой коллектив и норма неразрывно слиты, поскольку норма через единство языка обеспечивает единство коллектива.

Но в реальной речевой практике наблюдается принципиально иная ситуация. Несколько огрубляя, ее можно охарактеризовать так: норма существует сама по себе, а языковой коллектив, имеющий представление о ее наличии, сам по себе. Языковой коллектив, с различной степенью глубины зная норму, с различной же степенью последовательности отторгает ее или пренебрегает ею. Привычными для реальной коммуникации являются ситуации, когда от нормы отступают, а ситуации, когда ей буквально постоянно следуют, – аномальными. Норма существует, главным образом, в тех нормативных документах, где она зафиксирована, и только периодически (эпизодически) проникает в реальную коммуникативную практику, никогда не занимая в ней главенствующего положения и никогда в целом коммуникацию не контролируя, не задавая и не обеспечивая.

Развернутое доказательство этого тезиса требует привлечения очень большого объема языкового материала. Настоящая

статья не претендует на такое развернутое доказательство, в ней будут представлены в дискуссионном плане некоторые концептуальные положения, подтверждающие выдвинутый тезис. Эти положения формулируются по принципу доказательных аргументов, содержание и качество которых не могут быть интерпретированы иначе как подтверждение выдвинутого тезиса.

Строго формально степень проникновения нормы в реальную коммуникацию языкового коллектива можно рассматривать в двух аспектах. 1. С точки зрения того, в каких функциональных стилях литературного языка она последовательно и как именно представлена. 2. С точки зрения того, какие группы населения являются ее действительными постоянными носителями. Ниже будет видно, что два эти аспекта тесно взаимодействуют, что вполне объяснимо, так как функциональные стили создаются группами населения. Но все же рассмотрим их по отдельности, по необходимости ограничиваясь указательными констатациями.

Традиционно признается наличие в литературном языке пяти функциональных стилей: официально-делового, научного, публицистического, разговорного и художественного. Отнесение языка художественной литературы к числу функциональных стилей – вопрос крайне спорный. Но поскольку к рассматриваемому здесь предмету он отношения не имеет, будем использовать традиционную классификацию. Пять перечисленных стилей с нормой взаимодействуют по-разному. Лучшее подтверждение этому – реальная коммуникативная практика.

Официально-деловой стиль в своей письменной части (юридическая документация) стремится последовательно воплощать норму; в своей же устной части (выступления различного ранга администраторов и должностных лиц) демонстрирует полное пренебрежение ею.

Научный стиль в своей письменной части (научные тексты) стремится последовательно воплощать норму; в своей же устной части (различного типа выступления ученых) демонстрирует если и не полное пренебрежение, то свободное отторжение, степень которого очень существенно зависит от области знания, в которой ученый работает.

Публицистический стиль и в своей письменной части (газеты, журналы, блоги), и в своей устной части (интервью, ток-шоу) настолько откровенно отторгает норму, что становится образцом безграмотности.

Разговорный стиль и в своей письменной части (эпистолярный), и в своей устной части (бытовые разговоры) демонстрирует практически полное пренебрежение нормой.

Художественный стиль по определению строится на отрицании нормы (см. далее).

Пять названных стилей составляют (структурируют) коммуникативное пространство литературного языка в целом. Получается, что в этом коммуникативном пространстве норма все же представлена, но только в его периферийной (самой отдаленной от живой речевой практики) части: в письменных вариантах официально-делового и научного стилей. Т.е. норма реально существует в тех частях коммуникативного пространства, с которыми рядовые носители языка, а их подавляющее большинство в любом языковом коллективе, либо не сталкиваются вообще, либо сталкиваются крайне редко. Норма и абсолютное большинство членов языкового коллектива, по сути, существуют в различных пространствах, друг от друга не зависят, друг с другом не пересекаются.

В то же время в тех частях коммуникативного пространства, где происходит постоянное активное взаимодействие, связанное с обменом информацией (публицистика, бытовая речь, художественная литература), в тех частях, где каждый представитель языкового коллектива постоянно присутствует, часто находясь одновременно в нескольких, норма практически отсутствует. Норма есть там, где нет большинства языкового коллектива, и нормы нет там, где есть большинство языкового коллектива. Зная из школьного учебника или из вузовского курса о том, что норма как таковая существует, рядовой носитель языка, конечно же, рефлекторно, спонтанно и стохастически воспроизводит какие-то ее отдельные фрагменты, но не ее как строгую систему взаимодействующих положений. В этом смысле свою коммуникацию он осуществляет преимущественно, устойчиво и постоянно помимо или вне нормы. Носитель языка свободно обходится без нормы, обращаясь к ней только в исключительных и крайне редких случаях.

Такой тип взаимодействия, когда норма сама по себе, а языковой коллектив сам по себе и одна с другим либо не связана (не пересекается) вообще, либо связана крайне опосредованно и фрагментарно, не следует оценивать негативно или позитивно, он находится вне оценки. Он является коммуникативной, языковой, речевой (с какой точки зрения смотреть) данностью, просто фиксирует действительное положение дел, реальность.

Аналогичная картина получается, если рассматривать удельный вес нормы (ее реальное присутствие или использование) не в различных функциональных стилях, а у различных социальных групп.

О. Б. Сиротинина [2001] разбила всех носителей языка с точки зрения владения ресурсами литературного языка на пять типов речевой культуры (речевого поведения): элитарный, среднелитературный, литературно-разговорный, фамиллярно-разговорный, жаргонизирующий (просторечный).

Поскольку владение литературным языком равно владению нормой (норма создает литературный язык), эта модель вполне подходит для подтверждения выдвинутого положения. С правомерностью самой модели можно спорить. Ее можно и уточнить, и упрощать. Продуктивнее пойти по второму пути. Но сейчас важно не это. Рассмотрим, как взаимодействуют с нормой противоположные из отмеченных типов: элитарный, якобы демонстрирующий образцовое владение нормой и умение использовать все функциональные стили и жаргонизирующий, т.е. элита и носители грубого просторечия.

С последним типом все очевидно до финальной стадии тривиальности: носители грубого просторечия практически не знают норму, более того активно и демонстративно с подчеркнутой мерой отторжения не принимают ее. Гораздо интереснее, как взаимодействует с нормой элита.

Элита сама создает норму, знает ее очень хорошо, владеет ею практически в совершенстве. При этом элита активно, демонстративно, на уровне фрондерства и подчеркивания свободы отторгает норму разными способами, выходит за ее рамки, не признает ее обязательности для себя. Прямых и однозначных свидетельств этого отторжения множество. Они представлены во всех сферах коммуникативного, социального и функционального взаимодействия. Обратимся к наиболее показательным группам фактов, фиксирующих не единичные примеры, а устойчивые тенденции, таким, которые в принципе не могут быть интерпретированы иначе как отторжение нормы.

Наиболее ярко отторжение нормы проявляется в процессах и результатах создания языка художественной литературы. Именно элита его создает, участие в его создании свидетельствует о высшем уровне языковой и коммуникативной компетентности. Язык же художественной литературы весь базируется именно на осознанном или неосознанном, эстетически оправ-

данном или функционально заданном отступлении от нормы. Этот факт с точки зрения чисто теоретической доказательности выдвинутого положения является исчерпывающим подтверждением отторжения элитой нормы: элитой создается языковой продукт, который находится за пределами нормы, во многом базируется именно на противопоставлении ей. Но для большей показательности и яркости обоснования тезиса рассмотрим еще несколько подтверждений.

Элита активно, устойчиво, постоянно и неизменно использует в своей речи мат, который находится за пределами нормы. Важно, что это использование повсеместно осуществляется в трех направлениях или сферах: непосредственно в художественном творчестве, как объект филологической рефлексии, неопосредствованно в разговорной речи.

В художественном творчестве мат использовали Ю. Алешковский, И. Бродский, В. В. Ерофеев, В. С. Высоцкий, А. А. Галич, С. А. Есенин, М. Ю. Лермонтов, Э. Лимонов, В. В. Маяковский, Н. А. Некрасов, А. С. Пушкин и многие другие авторы [Ковалев 2004].

Использование мата как объекта филологической рефлексии иллюстрируется такими хрестоматийными примерами: издание словаря В. И. Даля под редакцией И. А. Бодуэна-де-Куртене, лекции Е. М. Галкиной-Федорук, сбора И. А. Буниным материалов для словаря матерных слов, аналогичная работа А. А. Реформатского, оценки Ю. М. Лотманом функциональности мата, известные слова А. А. Ахматовой: «Нам можно – мы же филологи», многочисленные современные статьи и словари [Плуцер-Сарно 2005] и многое другое.

С разговорной речью элиты картина не менее показательная. Мат использовали все перечисленные выше авторы, а также В. П. Астафьев, В. Г. Белинский, И. А. Бунин, Н. Коржавин, А. И. Куприн, О. Э. Мандельштам, А. П. Платонов, Л. Н. Толстой, В. М. Шукшин и многие другие. Основываясь на личных наблюдениях и характере собственного коммуникативного поведения, можно однозначно констатировать, что мат в своей речи использует большинство ученых вне зависимости от своего ранга и специальности. Если говорить о лингвистах, то среди них есть и те, кто создавали и создают саму современную норму.

Устойчивое использование элитой мата связано с комплексом разнообразных неоднозначных вопросов. Наиболее интересными представляются два: о границах дозволенного и о

функциональности. Складывается ситуация, которую предельно мягко можно определить словом «лукавство»: то, чего всем делать нельзя, что сама элита через постулируемую ею самой норму декларативно отрицает и отторгает, элите делать можно (дозволено). Очевидно, что в реальных коммуникативных ситуациях (все равно, идет ли речь об элите, или о носителях грубого просторечия) дело часто не в факте использования, а в функциональности применения средства (мере оправданности). Но эти вопросы только косвенно касаются формата настоящего изложения. Здесь важен сам факт: элита активно использует нецензурную лексику – единицы, которые находятся за пределами нормы, противостоят ей, отрицают ее, внешне сводят на нет необходимость ее существования для всего языкового коллектива. А обособливает ли элита себя за счет этого, или подчеркивает свою близость с коллективом, или намечает какие-то новые рубежи языкового развития, или стремится вернуться к истокам, или просто шалит – вопросы второстепенные.

Еще одним доказательством того, что элита отторгает норму, являются языковые игры. Элита активно и постоянно включается в языковые игры, которые изначально антинормативны. Традиции коммуникативного взаимодействия определенной части элиты, в первую очередь, связанной с художественным творчеством, предполагают, что языковая игра является неотъемлемой частью индивидуального и группового речевого поведения. Подтверждений этому множество. Приведем несколько примеров, чтобы охарактеризовать многообразие устойчивого явления. О. Л. Книппер-Чехова вспоминает, что А. П. Чехов называл Ялту своей «теплой Сибирью». А. М. Ремизов сам описывает процесс создания и функционирования «Обезьянней Великой и Вольной Палаты». С. М. Алянский фиксирует, что в семье А. А. Блока в контексте отторжения новых аббревиатур – названий советских учреждений, придумывались слова, пародирующие их, так самим поэтом для жены и матери были сконструированы наименования Райлюба и Раймама. Современники указывают, что в семье Л. Н. Толстого была популярна игра, связанная с переосмыслением словообразовательного взаимодействия между словами: графин и его жена графиня. Т. Л. Щепкина-Куперник рассказывает, как она, будучи барышней, сочиняла своим сестрам стилизованные под А. Н. Островского пьесы и воспроизводит правила и обстоятельства одной любопытной игры, представленной в редакционной среде. Всем, кто непосредственно контактировал с

Институтом русского языка им. В. В. Виноградова, известно, что в прежние времена среди его сотрудников была популярна (едва ли не обязательна) игра «Почему не говорят?», устойчиво включенная в российскую культурную традицию. О языковых играх см.: рассказ Н. А. Тэффи «Взамен политики», статью Е. В. Красильниковой [Красильникова 1975], монографию Ю. О. Коноваловой [Коновалова 2008] и другие источники. Можно говорить о том, что использование в коммуникации языковых игр было и остается (среди прочего) одним из маркеров речевого поведения образованного человека и показателем уровня его языковой компетентности. Предельно сложной формой, воплощающей языковую игру, совмещающей ее с творением воображаемых художественных миров, является создание Воображаемых языков (см. об этом лекцию Дж. Р. Р. Толкина [Толкин 1998] и работу В. П. Григорьева [Григорьев 2000]). Именно здесь наблюдаются деформации всех (фонетических, семантических, словообразовательных, грамматических и синтаксических) сторон нормы и практически полное замещение действующей нормы иной вне зависимости от того, материалы каких языков используются в качестве исходных компонентов.

Примечательно, что А. Б. Пеньковский [Пеньковский 1999] указал на различие функций языковой игры для рядового носителя языка и для настоящего поэта; в последнем случае она, будучи служебным средством его техники, воплощает поэтическое как таковое.

Любопытно, что все эти однозначные признаки отторжения нормы элитой в содержательном и функциональном аспектах могут сходиться (концентрироваться) в единых коммуникативных точках. Имеются в виду ситуации, зафиксированные, например, в строчках из песен А. Галича: «Может, там куролесят с достатка, / Может, контра и полный блядеж?» («Кумачовый вальс»), «Блямманже, суп гороховый с грудинкой <...> У них блямманже сторожат сторожа» («Письмо госпоже моей Гелене в семнадцатый век»). Здесь использование слов «блядеж» и «блямманже» одновременно является компонентом создания текста в рамках языка художественной литературы, результатом языковой игры и проявлением стихии разговорной речи.

Таким образом, элита, которая непосредственно создает норму (см. выше), сама ее устойчиво не соблюдает, постоянно отстает от нее во все возможные стороны, демонстрирует ее необязательность для себя.

Наблюдается любопытная ситуация, которая на первый взгляд выглядит крайне парадоксальной: диаметрально противоположно по всем характеристикам члены различных социальных групп устойчиво проявляют тождественное по внешним характеристикам отношение к литературной норме – с высокой степенью демонстративности и неизменного постоянства пренебрегают ею.

И носители грубого просторечия, и элита со сходными мерами франдерства одинаково отторгают норму, имея изначально различные основания, они практически всеми формами своего речевого поведения отрицают норму, ее функциональную значимость, практическую пригодность и коммуникативный потенциал. Принципиальная разница состоит в том, что представители элиты при желании или при необходимости могут осуществлять речевое взаимодействие в формате строгой нормы, могут моментально переключиться, а носители грубого просторечия этого сделать не могут, вернее, тоже могут, но не моментально, а потратив годы на целенаправленное обучение.

Можно предположить, что у единого и повсеместного отторжения нормы различные исходные мотивации, которые, в конечном счете, сходятся в одной точке представлений. Элита отторгает, потому что не желает, считает нецелесообразным, а носители грубого просторечия – потому что не могут и не желают. Для элиты отторжение нормы – реализация комплекса установок: нам закон не писан, как хотим, так и поступаем, свободное творчество неподконтрольно внешней регламентации. Для носителей грубого просторечия отторжение нормы тоже способ противопоставления себя некоторому усредненному образцу представителя социума.

Так осознанно или неосознанно носители диаметрально противоположных уровней языковой компетентности (высшего и низшего), по сути, отталкиваются от существующего у них стереотипа общего правильного поведения некоего среднего носителя языка – законопослушного гражданина.

Используя метафоры пространственной координации, взаимодействие двух этих групп с нормой можно описать так. Носители грубого просторечия не дотягиваются до нормы, не дорастают до нее, или оставляют ее в стороне. Элита же возвышается над нормой, оставляет ее за спиной, перерастает ее. Но в реальной речевой практике и те и другие ее отторгают. При этом в общем плане процесс и результаты отторжения тоже могут быть одинаковыми. Нельзя утверждать, что элита отторгает

норму исключительно каким-то особым художественным и эстетически оправданным способом, а носители грубого просторечия тупо и механически. Характер отторжения зависит от особенностей конкретных лиц. Существуют художественно одаренные и коммуникативно компетентные носители грубого просторечия, у которых отторжение нормы может быть вполне оправдано. И в то же время, нередко коммуникативно безграмотные и лишенные даже зачатков творческих потенций представители элиты, у которых отторжение нормы не более чем вялая демонстрация безнаказанности, речевой беспомощности или ментальной неполноценности.

Следует различать факт владения нормой и характер использования нормы. Элита владеет нормой, но использует ее только как отправную точку для ненормативного поведения. Что же касается эталонного использования нормы, то оно, возможно, и существует, но вовсе не в среде элиты, а, скорее всего, где-нибудь в среде добросовестных, уважающих свои профессии учителей и врачей. Именно эта средняя категория, вероятно, и является основным ретранслятором и живым (а не книжным) хранителем нормы.

Таким образом, и характер использования нормы в различных функциональных стилях литературного языка, и характер взаимодействия с нормой представителей различных социальных групп демонстрируют единую в содержательном и формальном отношении ситуацию: норма существует на периферии коммуникативного взаимодействия, используется все меньше и меньше.

Факты устойчивого, постоянного несоблюдения, отторжения, игнорирования нормы языковым коллективом не могут быть объяснены ее очевидной исторической изменчивостью. Если все случаи отступления от нормы – это факты зарождения новой нормы, то норма настолько динамична, что просто не может выполнять своей консервирующей функции, т.е. динамика ее развития отрицает факт ее существования и необходимости.

Причин крайней степени дистанцирования языкового коллектива от нормы можно назвать множество. Среди них, при поверхностном взгляде на проблему, существенное место занимают: увеличение количества и разнообразия каналов передачи информации, увеличение количества и разнообразия транслируемой информации, постоянные контакты с другими языками, возрастание роли межкультурной коммуникации, возрастающая степень либерализации коллектива, убыстрение темпа взаимо-

действия с информацией, перенос существенных сегментов взаимодействия в виртуальную сферу, возрастание роли опосредованного коммуникативного взаимодействия и т.д.

Все эти причины возникли не в начале XXI века. Все они с различной степенью интенсивности, затухания и угасания, выдвигая на первый план того или другого фактора действовали и в XVIII, и в XIX, и в XX веках, т.е. те 300 лет, относительно которых с уверенностью можно говорить о существовании нормы. Исключением является недавно возникшая актуализация виртуальной сферы, но здесь, как показывают наблюдения, ничего принципиально нового в коммуникативном смысле не происходит [Шунейко 2012]. За время своего более чем трехсотлетнего взаимодействия с этими причинами норма могла бы к ним устойчиво адаптироваться (выработать иммунитет к внешним раздражителям), что, вероятнее всего и случилось. Так или иначе, но долгосрочное сосуществование нормы с расшатывающими ее факторами указывает на то, что причина нынешнего состояния вовсе не в них, или, главным образом, не в них.

Думается, что все эти причины, по преимуществу, являются внешними (или незначительными). В сущностном же плане нынешнее отторжение нормы коллективом вызвано тем, что тесно взаимодействовать с ним норма может не при своей естественной органичной трансляции, а только в искусственной ситуации – при жесткой внешней поддержке государства.

Подтверждение тому – СССР с множеством мощных институтов редактур, цензуры и корректуры, где норма была распространена гораздо больше (шире) и чаще в практике речевого общения использовалась коллективом. У этих душивших проявления личной и художественной свободы институтов было две основные функции: идеологического контроля и нормативного контроля; при этом нормативный контроль воспринимался как неотъемлемая часть идеологического, что практически и теоретически не лишено смысла. Стремление научить (заставить) всех одинаково говорить напрямую (и не без оснований) было связано со стремлением обязать всех одинаково думать. Таким образом, объективно норма выступала как одно из идеологических оружий монокультурного государства – мощное средство всеобщего фиктивного уравнивания.

Поскольку государство не может существовать без идеологического и нормативного диктата, после разрушения институтов цензуры и редактур в РФ эти виды контроля, естественно,

не исчезли, они просто несколько ослабли и перешли в иные формы. В частности, сейчас с достаточной степенью эффективности функции нормативного контроля, по крайней мере, в области орфографии, пунктуации и грамматики могут выполнять автоматические программы проверки текстов и справочно-информационный портал «Грамота.ру». Но их очевидное отличие от прежних форм нормативного диктата состоит именно в том, что рядовой носитель языка волен обращаться к программам и portalу или игнорировать их. И это банальное в формальном отношении отличие, раскрывающее присутствие свободы выбора, демонстрирует нам любопытное положение. Если при наличии простой возможности осуществить самоконтроль, т.е. прямо контактировать с нормой, использование нормы отодвигается в периферийные области коммуникации, значит, общей потребности в самопроверке нет. Следовательно, у коллектива нет желания (потребности) постоянно использовать норму, транслировать ее в практике своего речевого поведения, неукоснительно следовать ее предписаниям.

Наблюдающееся сейчас дистанцирование языкового коллектива от нормы, вероятнее всего, следует считать естественным типом взаимодействия, который последовательно и полностью соответствует самоорганизации языкового материала. Норма как изначально внешний и искусственный по отношению к языку фактор и занимает соответствующее внешнее положение искусственного ориентира.

Думается, что на примере взаимодействия языкового коллектива с нормой мы наблюдаем принципиальные изменения, происходящие в коммуникативном пространстве. Они не связаны с тем, что норма как лингвистическая категория, важный фактор языкового сознания, регулирующий поведение и задающий главный образец образованности или компетентности, отомрет или полностью деактуализируется. Она сохранит свою актуальность, существуя более вне языкового коллектива, чем внутри него. Расхождения будут усиливаться, но никогда не приведут к полному разрыву, который знаменовал бы в функциональном, но не в содержательном смысле возврат к ситуации двуязычия. Т.е. норма заняла бы место церковнославянского языка, но с иной сферой применения, а живой язык занял бы место древнерусского языка. Этого не произойдет, потому что государственное регулирование, пусть и редуцируясь, сохраняется, а система образования, транслирующая норму, пусть и, разрушаясь, но продолжает существовать.

Важно, что подчеркнутое или мягкое дистанцирование языкового коллектива от нормы раскрывает природу регулирования им отбираемых для собственного использования речевых форм. Оно подчинено существенному коммуникативному фактору, который со временем будет приобретать все большее значение. Его можно назвать коммуникативной свободой.

Коммуникативная свобода – это существующая в сознании языкового коллектива установка на то, что собственное речевое поведение он может строить, не согласуясь ни с какими внешними регламентирующими факторами, полагаясь исключительно на представления о коммуникативной целесообразности поведения и собственный опыт. Природа этой установки включает в себя парадоксальную двойственность. С одной стороны, она проявляет (отражает) самоорганизацию языкового материала. С другой – ложное представление о том, что языковой коллектив способен в глобальном масштабе регулировать саморазвитие языковых форм. Она является фиктивным преломлением в языковом сознании действительных процессов. Но ее содержательная фиктивность не служит тормозом или преградой для ее повсеместного функционирования.

Для современного коммуникативного пространства в равной мере важны и строго регламентирующая норма и обещающая предельную неподконтрольность коммуникативная свобода. Они задают два уравнивающих друг друга ориентира, выбирая между которыми, носители языка могут строить свое поведение с должной мерой соотношения заданности и произвольности.

В итоге, несколько снижая полемическую заостренность настоящей работы, необходимо подчеркнуть: здесь не говорится о том, что литературная норма современного русского языка не нужна и не действует. Напротив, она необходима и она функционирует. Но ее функциональность оторвана от абсолютного большинства языкового коллектива и реальных (постоянных, устойчиво воспроизводимых) речевых контактов, находится в периферийных зонах коммуникации. Такое дистанцированное взаимодействие нормы и коллектива представляется естественным и органичным. Потому что для коммуникации значительнее (важнее) нормы является категория коммуникативной свободы.

ЛИТЕРАТУРА

Григорьев В. П. Будетлянин. – М. : Языки русской культуры, 2000.

Живов В. М. Культурные реформы в системе преобразований Петра I // Из истории русской культуры. – М. : Языки русской культуры. Т. 3. 2000. С. 528–583.

Ковалев Г. Ф. Русские писатели о русском мате / Г. Ф. Ковалев // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 3. – Воронеж : ВГУ. 2004. С. 38 – 51.

Коновалова Ю. О. Языковая игра в современной русской разговорной речи : монография. – Владивосток : Издательство ВГУЭС. 2008. 196 с.

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи / Издание 3-е, испр. и доп. – СПб. : Златоуст, 1999. 280 с.

Красильникова Е. В. «Почему не говорят?» // Развитие современного русского языка. Словообразование. Членимость слов. – М. : Наука, 1975.

Пеньковский А. Б. Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. – М. : Индрик, 1999.

Плущер-Сарно А. Большой словарь мата. Том 1–2. – М., СПб. : Лимбус Пресс, 2005.

Пражский лингвистический кружок : Сборник статей. – М. : Прогресс, 1967. 558 с.

Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917–1926). – М. : Едиториал УРСС, 2003. 247 с.

Серебряная И. Б. Грамматические оценки в русской критической литературе 1-й половины XIX века (морфология). – Казань : Печать-Сервис XXI век, 2012. 140 с.

Серебряная И. Б. Фонетико-орфоэпические и акцентологические оценки в русской критической литературе 1-й половины XIX века. – Казань : Отечество, 2013. 142 с.

Сиротина О. Б., Кузнецова Н. И., Дзякович Е. В. и др. Хорошая речь. – Саратов, 2001.

Толкин Дж. Р. Р. Тайный порок // Знание-Сила. № 6. 1998.

Форумы: <http://pyha.ru/forum/topic/4480>;

<http://www.gamer.ru/everything/pravopisanie-ili-smert-vashe-otnoshenie-k-gramotnosti-na-resurse>;

<http://www.sxnarod.com/vashe-otnoshenie-k-gramotnosti-t.html>

Шварцкопф Б. С. Проблема индивидуальных и общественно-групповых оценок речи // Актуальные проблемы культуры речи. – М. : Наука, 1970. С. 277–304.

Шварцкопф Б. С. Изучение оценок речи как метод исследования в области культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. – М. : Наука, 1976. С. 415–425.

Шунейко А. А. Вир – вариант мира // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического универси-тета. 2012. Т. 2. № 11. С. 120–121.